

В 1967 году в 450-й школе начал работать Ленинский зал. В 1972 году он приобрел статус Ленинского музея историко-революционного профиля. Этому предшествовала большая поисковая работа. Красные следопыты школы проводили немало времени в библиотеках, собирали исторические реликвии и документы, встречались с ветеранами, ездили в Москву, в Ленинские Горки. В поисковой работе участвовали все классы. Были установлены тесные связи с участниками революционных событий тех лет, с ветеранами.

Усилиями учеников нескольких поколений под руководством совета музея разрабатывались экскурсии, готовились экскурсоводы. Работа музея выходила далеко за рамки школы. На экскурсии в музей приезжали не только школьники нашего района, но и Ленинграда, других городов страны. Музей посещало население Зеленогорска, отдыхающие здравниц

наты покрыты седым слоем пыли, некоторые из них сломаны, часть просто разворована — в витринах уныло покоятся атласные подушечки, на которых когда-то бережно были разложены ордена, медали ветеранов Гражданской, Великой Отечественной войн. Свято относились здесь к революционным традициям, эстафету которых приняли и наши с вами современники. В одной из пустующих витрин, как пояснила сопровождавшая меня бывший директор школы С. М. Романова, висела шинель ученика 450-й школы Володи Бондаренко, выпускника 1969 года, погибшего в Афганистане. Исчезла и она...

Затхлый воздух, усохшие цветы, пустующие витрины. За всем этим — сломанные традиции поисковой, военно-патриотической, краеведческой работы.

Эту унылую, безрадостную картину увидел недавно и писатель-краевед Г. С. Усыскин, мнение которого не слу-

История с музеем ИСТОРИИ

Карельского перешейка. Он был подлинным центром идейно-политического воспитания, гордостью не только школы, но и района. Вели в нем большую работу ветераны партии и комсомола. У каждого класса были друзья и наставники — ветераны. Ежегодно здесь проводилось до 20 семинаров директоров школ, заведующих учебно-воспитательной работой, комсоров, старших пионервожатых.

В 1980 году музей был участником ВДНХ, награжден дипломом и серебряной медалью выставки. Его воспитательное значение трудно переоценить.

И вот — все изменилось. За один год музей погиб. Растворены не только экспонаты, исчезли уникальные реликвии, книги учета экспонатов, материалы о работе совета музея. Все истреблено... За один только год. Думаю, было бы безразлично сделать вид, что ничего не произошло. Убедена, нужно провести самое тщательное расследование и строго спросить с тех, кто виновен в гибели музея.

Л. КУРАКИНА,
учитель,
персональный пенсионер

□

Мы прекрасно знаем автора этого письма — Лидию Федоровну Куракину, опытного педагога, умелого организатора. Свою жизнь она посвятила школе, детям и еще — Ленинскому музею, работой которого руководила в течение более чем двух десятков лет. И нам вполне понятны чувства человека, для которого то, что стало сегодня с музеем, является не просто обидой, а большой болью и бедой. И не только для нее.

С письмом в руках я побывала в известном на весь район музее, еще не так давно носящем почетное звание «Лучший школьный музей Ленинграда». Те, кто посещал его, знают, сколько ценных реликвий было собрано не одним поколением юных краеведов, сколько кропотливого труда вложено, чтобы оживить страницы истории.

Сегодня музей напоминает мертвеца. Редчайшие экспо-

чайно было интересным для нас. Григорий Самойлович принимал самое деятельное участие в создании музея: подарил ему ряд экспонатов, книг, часто бывал здесь по приглашению совета музея. С тех пор, как Л. Ф. Куракина ушла из школы, Г. С. Усыскин перестал получать приглашения, но мысли о том, что с ее уходом музей может погибнуть, для себя не допускал. Сейчас понял, что ошибался, жалеет о том, что в свое время не настоял на одной из рабочих встреч. Как члену городской музейной комиссии Г. С. Усыскину предстояло провести инвентаризацию музея, которая по распоряжению Управления культуры и народного образования проводится каждый учебный год. Много раз он пытался договориться о встрече с директором школы Л. К. Копосовой, но она под разными предлогами переносила их.

— Побывав все же в музее, я понял, почему эти встречи откладывались, — сказал с горечью писатель. — Ибо увидел следы настоящего преступления — только так я расцениваю случившееся. И считаю, нужно было не скрывать то, что все равно когда-то станет явным, а давно бить тревогу.

Мы тоже так считаем. Так считают и члены комиссии райкома партии, которой еще предстоит заниматься расследованием всей этой недостойной истории. Сегодня же непонятно, почему столь простой и очевидный путь не был избран администрацией школы? Почему, если у кого-либо из ребят пропадают кеды или шарфик (что, конечно, само по себе тоже дико), мы поднимаем на ноги всю школу, а когда бесследно на глазах у всех исчезают ордена и медали, другие реликвии, безмолвуем или, возмущаясь, особых мер к их поиску и наказанию виновных не принимаем. Стоит ли удивляться, почему некоторые из наших детей в лучшем случае инфантильны, равнодушны ко многим происходящим в жизни событиям, а в худшем — способны на непредсказуемые поступки.

О. АНТОНОВА